

Наш классный папа

БИОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Ким Владимирович Тощигин (1923-1995).

В 1941 г. — студент Сталинградского педагогического института, в 1942-1943 гг. — учитель русского языка и литературы в сельской школе.

В 1944 году призван в Советскую Армию. Сменил несколько воинских специальностей: сапёр-инструктор, радист, автоматчик; закончил войну старшим писарем батальона 21 армии 1 Украинского фронта.

Имеет воинские медали «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», «40 лет Вооружённых сил СССР», «За безупречную службу».

После войны окончил Куйбышевский педагогический институт, преподавал в Куйбышевском суворовском военном училище.

С 1962 по 1994 годы работал в Курганском государственном педагогическом институте на кафедре русского языка. Читал курс современного русского языка, вёл спецкурсы «Неологизмы в русском языке», «Основы топонимики».

ВОСПОМИНАНИЯ ОБ УЧИТЕЛЕ

Ким Владимирович Тощигин. Мой классный папа и Учитель с большой буквы. Память рисует образ невысокого человека в очках, застенчивого и, кажется, даже робкого. Ким Владимирович никого НЕ ЗАСТАВЛЯЛ учиться, никогда не распекал за лень или не выполненное задание, но он умел так подать тебе слово, как драгоценную жемчужину на ладони, так, что тебе непременно надо, необходимо было докопаться и до других жемчужин, спрятанных в других словах. А для этого приходилось лезть в словари. Сколько словарей было в доме Кима Владимира! И все они — в твоем распоряжении — только изъяви желание. И ты начинал понимать, какое это богатство — русский язык, как интересно погрузиться в его тайны, откопать все его клады...

Помни еще первое восьмое марта в институте. Группа — одни девочки, кто же нас будет поздравлять? И вдруг — наш классный папа застенчиво раздает нам конвертики, а в них — отпечатанные на машинке заботли-

Ким Владимирович в окружении коллег.

во подобранные стихи о твоем имени — печатал, каждое отдельно (это же не компьютер!) для нас — девчонок! А потом мы поняли, что наш папа будет заботиться о нас всегда, пока мы под его крылом. Не пришла в институт — звонок и взволнованный голос в трубке: что случилось! Он часто полушутя говорил, что не прийти в институт, не поставив его в известность, мы можем только в одном случае: телефон обрезали враги, а дойти до автомата не хватило сил, хотя очень старался и даже калоши уже натянул на ноги... Это обязывало больше, чем вызовы в деканат и запреты. А если нет настроения и глаза печальные — может, нам всей группой махнуть в кино или в театр?

О том, что Ким Владимирович фронтовик, мы не знали, пока не увидели его фотографию на стенде ветеранов. Он никогда не рассказывал о войне, а, зная его тонкую, деликатную натуру, мы не могли представить его солдатом. Ким Владимирович был интеллигентом до мозга костей. Мы никогда не слышали, чтобы он повысил на кого-то голос. Его как бы про себя произнесенная фраза «Видимо, я еще чего-то не понимаю...» — была самым болезненным осуждением, потому что произносилась с болью за тебя, с каким-то собственным мучением за твоё несовершенство.

Еще одним открытием для нас стала стихи Кима Владимировича, про-

читанные в газете. Помню, первым было «Студенты военной поры». Поэтичность натуры и молодость души сквозили за этими строками. Хотелось прочесть еще, но он так редко печатал свои стихи! В этом, мне кажется, и был он весь — человек, который никогда не выпячивал себя, всегда держался в тени, но хранил от всех драгоценную жемчужину своей души, до которой, как в языке, нужно было докопаться, чтобы оценить в полной мере.

**С. А. Черницина,
доцент кафедры общего
языкознания, ФФ**

Стихи Кима Владимировича Тощигина, которые бережно хранит его бывшая студентка, ныне — доцент кафедры общего языкознания Н. М. Ротанова.

ВОЗВРАЩЕНИЕ В 45-М

Мама, лишь я на порог с крыльца,
Глаза от солнца прикрыв рукою,
Вдруг прошептала имя отца:
«Володя!»
Но тут же: «Да что со мною?»
Ко мне рванулась, сбиваясь с ног.
Прислав, шептала: «Живой! Сынок!»
Смеясь и плача, припоминала:
Таким с гражданской
отца встречала.
В глазах читал я любовь и муку
И целовал ей сухую руку.
А в мыслях билось одно и то же:
С отцом —

Лицом и судьбой мы схожи.

1967

НА ПОЛЬСКИХ ДОРОГАХ

Далёко Россия...
Навстречу с утра
С запада дуют
Злые ветра.
Мороз крепчает.
Ботинки скользят.
От ветра лицо
Прикрывает солдат.
Рядом, с левой
И с правой руки
Шагают ребята —
Мои земляки.
Чёрные трубы
Стынут в снегу...
— Дай-ка, дружище,
Я помогу!
С плеча на плечо
Перешёл пулемёт.
Польской дорогой
Шагает взвод.
Тёмные ели
На фоне берёз...
Песни обрывки
Ветер учёс.
Знать, напоследок
Бушует зима.
Короток день,
Опускается тьма.
Снег забивает
Глаза и рот.
Взводный торопит:
«Хлопцы, вперёд!»
Здесь протянулись
К Берлину пути...
Всем ли дано
До победы дойти?
Пуля нежданно
Свинцом полоснёт,
Снежную заметь
Взорвёт миномёт...
В сумрак метельный
Уходит взвод...
Выюга. Февраль.
Сорок пятый год.

1970

• • •

Здесь сумрак спускается сразу,
Как только иссянет день...
Над самой верхушкой вяза
Метнулась крылатая тень.
А небо ещё беззвездно,
Прозрачное, как стекло...
Для ласточки вроде бы поздно,
Для мыши летучей — светло.
И кажется мне, что в аллее,
Касаясь крылом проводов,
В сиреневом сумраке реет
Посланец далёких миров...

1970, Майкоп

Публикацию
подготовила Н.В. Кудрина